

УДК 655.552

DOI 10.47928/1726-9946-2021-21-3-91-98

**Увидеть культуру из ее потайных уголков – во имя культуры
(рецензия на монографию Л.Ф. Хараевой и З.А. Кучуковой
«Гендер и этногендер». Нальчик: «Принт Центр». 2018. 192 с.)**

Тхагапсоев Х.Г.

Ныне мир так изменчив и усложняется такими темпами, что человек и наука не успевают осознать и наречь его суть убедительным именем. «Постиндустриальное общество», «общество пост-экономики», «общество постмодернизма», «информационное общество», «общество знаний» и даже «общество пост-культуры» – вот именованья, которые примерялись в последние годы к нашему социальному бытию. Но поскольку сложность мира и динамика его изменений лишь нарастают, а привычные формы и контуры бытия неуклонно размываются, придуман особый термин «VUCA (вука) – мир» (из первых букв английских слов volatility – нестабильность, uncertainty – неопределенность, complexity – сложность, ambiguity – неоднозначность, амбивалентность), призванный выразить всю необычность переживаемого нами сегодня этапа цивилизации. При этом указанным «вука-процессам» подвержены не только технологии и экономика (о чем много пишется и говорится), но и все прочие аспекты жизни человека: темпо-ритм времени, среда обитания, социальная инфраструктура, формы и способы коммуникации и, конечно же, культура. А это настоятельно ставит на повестку дня социально-гуманитарной науки вопрос о наиболее значимых и информативных измерителях (индикаторах) особенностей современного социально-культурного бытия, тенденций его развития.

Отношения «Он-Она» как... «новая» мера бытия

Как уже отмечено, изменениям и переоценке ныне подвержены практически все аспекты бытия человека – даже такие, которые казались извечными, «Богом данными». Речь идет об отношениях полов (мужчины-женщины). Их изучением теперь занимается отдельная отрасль науки «гендерология». Именно этой науке – вечно драматичному миру света, тени и «полутонов» отношений «он-она», их осмыслению через призму различных культур и в контексте уже означенной «вука-трансформации» нашего бытия посвящена монография Л.Ф. Хараевой и З.А. Кучуковой «Гендер и этногендер» [1].

Авторы сразу же заявляют, как они видят задачу своих исследований – подготовить наше культурное сознание (кабардинское, балкарское, русское, российское) к сложностям современного мира, к занятию нашими этносами достойных позиций в «вука-мире», полном рисков и опасностей.

В монографии так и декларируется: современная «динамика гендерных отношений требуют поиска исчерпывающих ответов, которые помогли бы российской культуре безболезненно адаптироваться к задачам модернизации общества (российского общества, частью коего мы с нашими культурами и являемся), кардинально не разрушая отечественную цивилизационную ткань и основу, бытующую у нас систему гуманитарных ценностей» [1, стр. 6].

Подобный порыв авторов трудно не поддержать – ведь предназначение гуманитарной

науки в том и состоит, чтобы отстраивать и охранять духовный мир человека и культуру от опасных поветрий времени и разрушительных соблазнов бытия, коих много сегодня, да и множатся день ото дня. В их числе и мода «на свободный выбор пола» (вовсе не в ремонтно-строительном). Более того, мода «на изменение и переконструирование» собственного пола «как и когда захочется», а по сути – мода на возвращение человека с переменным, «вариабельным полом» настойчиво поддерживается и продвигается масштабными политическими силами, позиционирующими себя, конечно же, как «самые прогрессивные». Шумные и агрессивные парады во славу подобных идей теперь выдаются чуть ли ни за самый объективный индикатор цивилизованности и демократичности общества, прав и свобод его членов (вот и ломаются такие парады на площади и улицы недавних братьев наших по жизни и культуре Украины, Грузии. Кто-на очереди?). Если учитывать эти обстоятельства, очевидно – проблема монографии из разряда особо актуальных, требующих высокого мастерства от исследователя. А это уже вопрос к методологии авторов монографии.

Сегодня ситуация в науке такова, что перед ученым открыт огромный (просто необъятный) спектр методов и стратегий исследования, в числе коих – арсенал системно-синергетического, информационного, информационно-семиотического, междисциплинарного и трансдисциплинарного подходов к социально-гуманитарному познанию. В этом контексте уже сам выбор методов исследования становится непростой проблемой. А если в роли предмета исследования выступает такой тонкий и многосложный объект как гендер и гендерные отношения, ситуация, конечно же, усложняется.

Дело здесь не только и не столько в деликатности гендерной проблематики (хотя и это сказывается), а в ее универсальности. Ныне гендер и все, что связано с ним, стали актуальной проблемой едва ли ни каждой социально-гуманитарной науки историографии, социологии, политологии, экономической науки, медицины, психологии, антропологии, педагогики, культурологии, философии, филологии, теории управления, юриспруденции, теории коммуникаций. Понятно, насколько разнятся методы перечисленных наук и как они неохватны в общей сумме. Так что, здесь известная формула «предмет определяет метод» обманчива именно методы исследования, задействованные ученым, предопределяют глубину, масштабы и грани проникновения в гендерное бытие, а заодно и успех (или провал) ученого. И в этой непростой ситуации авторы делают ставку на литературоведение и его когнитивно-эпистемологический арсенал.

Возможно, социолог, антрополог, психолог усомнится в таком выборе (мол, где строгие методы, измеримые факты?). И напрасно, как выясняется.

Дело в том, методологическая идея авторов не ограничена филологией, выходит за ее пределы и по существу носит универсальный характер ведь речь идет о принципе рекурсии (т.е. о принципе само-отражения, само-репликации, само-воспроизводства некоего феномена, в данном случае, культуры в культуре), что является частью методов самых строгих и взыскательных наук – математики, физики, химии, биологии, инженерии. К тому же, именно художественный текст, а точнее, его рекурсивное пространство более всего способны высветить и выразить детали и грани вечно кипящей стихии отношений полов. А главное, выразить все это в реально присущих им сложных и противоречивых, ускользающе тонких психологических и культурных измерениях. И не только выразить

строить пути гендерного диалога, подсказывать и указывать способы решения гендерных проблем. Таково методологическое кредо авторов.

Возможно, подчеркнем еще раз, не все готовы разделить подобную позицию, но мне она импонирует. Ведь ни одной науке (даже притязательной философии) недоступна та глубина, искренность, детальность и беспощадная правдивость отражения внутреннего мира человека и мира человеческих отношений, что присуще художественному тексту, методам художественного отображения и деконструкции бытия человека. Более того, художественный текст являет собой едва ли ни самый полный компендиум и самое объемное преломление всех мыслимых драм, коллизий, нюансов, красок и покровов отношений полов, а значит и самую полную версию «гендерной метафизики». Добавим – обрисованная методологическая конструкция нацелена на анализ специфики гендера и гендерных отношений в этнической культуре, что квалифицируется авторами как «этногендер». При этом они убеждены, что системное изучение гендерного аспекта этнических культур и литератур может стать не только истоком новых знаний о гендере, по гендерной проблематике, но и послужить процессам формирования культурной и гражданской идентичности России, а значит, обеспечению позитивных культурно-исторических перспектив у российских народов.

Итак, авторы полагают, что художественный текст являет собой богатый и открытый источник гендерных и этногендерных знаний, яркий маркер этнической культуры, а значит отрытое пространство и доступный инструмент этногендерологии. Ведь перед нами «зеркало культуры», чем всегда была, есть и будет художественная литература.

Здесь выбрать зеркало... не просто

Вот здесь мы подходим к принципиальному моменту. Художественных текстов много (не счесть), они разные по уровню, масштабности, социальной философии, эстетике, стилевым и этическим предпочтениям. Как быть?

В монографии заявлен некий «репрезентативный» круг авторов (хотя общим фоном идет едва ли ни вся кабардинская литература конца 20-х начала 21 веков), в числе которых ключевое место отведено Мадине Тлостановой [1, с. 78-122] и Мадине Хакуашевой [1, с. 123-162]. Возможно, кому-то этот круг покажется недостаточно обширным, а кто-то возмутится – не гоже Мадину Тлостанову числить в анналах кабардинской литературы, коли «языком не владеет, традиций не чтит». Мне бы хотелось адресовать авторам совсем другой вопрос «Почему обойдена вниманием балкарская литература в монографии, созданной двумя умными, тонкими, очень современными авторами – балкаркой и кабардинкой?».

Но вернемся к выбору авторов, к М. Тлостановой, прежде всего. Получается так, что на Кавказе едва ли не в авангарде новой, постсоветской и во многом постмодернистской по духу, философии и эстетике литературы, соотносящей «этническое» с мировой культурой и мировыми культурными трендами, стоят женщины, Мадина Тлостанова и Алиса Ганиева. Ганиева в этом качества хорошо известна, уже обрела прочное общероссийское признание в роли и статусе «бренда» современного модуса (духа и облика) «культурной этничности», а точнее, «кавказскости наших дней», то бишь в постсоветской России. Именно так российское литературоведение ее (а точнее, ее творчество) трактует и позиционирует.

Что касается Тлостановой, ее творчество в данном случае востребовано уже тем, что здесь особое место занимает именно гендерная проблематика во всех ее аспектах. Будучи доктором наук и вузовским профессором, имеющим опыт работы в университетах ряда Западных стран (США, Германии, Норвегии), также в пространствах разных наук (филологии, философии, культурологии) она активно исследует различные аспекты этой проблематики – от гендерной философии, точнее от «гендерной эпистемологии» и политических измерений феминизма, до вопросов «гендерных измерений» литературы, искусств. И еще, будучи не только ученым, но и писателем Тлостанова (выступает под псевдонимом Дина Дамиан) воплощает в художественном тексте, а по сути, моделирует и исследует средствами художественной литературы (протестной во многих отношениях) все пределы гендерного бытия, со всеми его красками, тенями и нюансами. В итоге в текстах представлены, скажем так, «все цвета радуги» и целый спектр гендерных идентичностей, а также, добавим – «раскованная эстетика» эротики и секса. И при этом героями здесь выступают представители «народов СССР», придавая сим произведениям особый колорит и неповторимое своеобразие и, конечно же, приковывая интерес любого исследователя этнической литературы и этнической гендерологии. Было бы непостижительно строителям гендерного литературоведения (каковыми и являются авторы монографии) обойти это вниманием.

А что касается Мадины Хакуашевой, глубоко укорененной в кабардинской (кавказской) культуре, она контрастирует едва ли ни во всем с Тлостановой, своей «культурной картиной мира», философией творчества, этико-эстетическими предпочтениями, парадигмой художественного нарратива, а главное – «оптикой» и «ракурсами» видения гендерного бытия, красками его отображения, горизонтами и темпераментом интерпретации. В отличие от творчества М. Тлостановой здесь всюду ощущается «тень редактора» этно-этической само-цензуры и блюстителя традиционного этнического пуританства. Так что, авторов впору поздравить с тем, что в рамках нашей, не космической по масштабам кабардинской литературы они сумели представить и даже отстроить едва ли ни все мыслимые горизонты отображения и преломления гендерной стихии и гендерной философии нашими, кабардинскими писателями современниками.

Когда монография больше... чем монография

Полагаем, настала пора уточнить, будет ошибкой видеть в этом тексте рецензию (хотя любой отклик на появление монографии в какой-то степени является рецензией). Ведь рецензия, как известно, прежде всего дань каноническим правилам цеха науки, эдакая дотошная ревизии и анатомическое препарирование всего и вся в предмете рецензирования.

В данном случае речь идет о нечто ином – о диалоге с коллегами по осмыслению гендерной проблематики и перспектив развития этнической гендерологии, к чему, сознаюсь, причастен и сам [2]. Если точнее, речь идет о потенциальном «веере» ракурсов видения, методологических подходов и концептуальных трактовок в гендерологии, которая ныне на подъеме» и бесспорно перспективна особенно в контексте этнологии, этнологических наук. Именно по этой причине гендерная тематика сегодня является предметом пристального интереса всех социально-гуманитарных наук, особенно философии, социологии, историографии [3], [4]. Но может ли на равных конкурировать с ними литературоведение?

Может, и вполне успешно. Более того, литературоведческий подход выгодно отличается от излишне академичных и рационалистичных, «лишенных души» трактовок той же социологии, политологии, философии.

Разумеется, художественная литература и литературоведение не обязаны открывать и формулировать законы социологии, антропологии, психологии (хотя в науке признан и почитается «Закон Поллианны», обнаруженный американской писательницей Э. Портер и явленный миру в ее романе «Поллианна»). Но не мешало бы и «академичным» наукам чаще обращаться к литературе и литературоведению, к их тонкой оптике, как свидетельствует данная монография. Ее авторам удалось «схватить» то, что ускользает и теряется в дискурсах и нарративах (статьях, книгах) армады социально-гуманитарных наук в отношении гендера. А именно, что гендер – это не биологический пол (хотя биологическое здесь имеет место быть и оно неодолимо), это не ролевое социально-культурное амплуа (как полагают в социологии, культурологии, педагогике), это не мера маскулинности и феминности (как видится в психологии). Гендер – это сумма всех указанных факторов и (что принципиально важно) итог напластований социального, культурного и психологического контекста на личность человека, а точнее на его личностный мир, опыт и самоощущение. Ведь в гендере и гендерном неизбежно присутствует нечто глубоко личное и потаенное, что доступно разве что художественной деконструкции. Так предстает здесь гендер и его суть, хотя, разумеется, авторы не декларируют какого-либо определения.

Но это еще не все, что выгодно отличает данную монографию, выводя ее за пределы литературоведения и превращая в явление этнологической мысли и науки. Проблема этнической идентичности до предела обострена в ныне переживаемых условиях «вукамира», когда любые культурные устои, особенно этнические, видятся и трактуются на глобальной дискурсивной арене как «дремучая архаика» и опасная «угроза прогрессу». Эта ситуация требует особого внимания к мерам этнической культуры и тенденциям их изменений. Именно в гендерных отношениях и проявляются с предельной обнаженностью все особенности(меры) этнической культуры в современном мире, о чем и идет речь в монографии.

Еще одна особенность монографии. «Вечным грехом» этнологии стала и остается само-комплементарность, т.е. виденье своей культуры и ее героев (писателей тоже) лишь в радужном свете, в ущерб объективности, истинности. Данная монография не страдает этим недугом.

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживают многочисленные блистательные отсылки авторов не только к мыслям и этико-эстетическим позициям столпов и грандов мировой литературы и литературоведения, но и к самым различным сферам науки – от философии и психологии до медицины. И главное это тот редкий случай, когда цитирование служит не «дабы себя показать», а являет свидетельство азартного исследовательского восхождения авторов к высотам научной мысли, без чего не рождаются монографии парадигмального уровня, как это случилось в данном случае.

Получается так: авторы задались «лабораторным» вопросом «В чем наша гендерная специфика и как она выразилась/отразилась в кабардинской литературе?», а в итоге родилась монография, претендующая дать новый толчок развитию этно-гуманитарной

науки и явить на российской арене образец ответа этно-региональной мысли на острые вызовы и сложные проблемы времени. Впрочем, заявлены и планы авторов на будущее изучение гендерной картины мира в художественных системах и других народов Северного Кавказа в контексте и во взаимосвязях с российской и мировой литературой, во имя выявления уникального и универсального в этнических культурах. Так и хочется сказать «В добрый путь!».

Известно, что монография в восприятии научного сообщества являет собой наиболее авторитетную форму организации и репрезентации научного знания, а появление каждой новой монографии некую ступень в ее развитии науки. А если монография создана в вузе, она призвана еще и расширять горизонты образования, поднимать его уровень.

Именно монографии такого уровня, что наличествует в данном случае, должны бы составлять основу так называемого «вариативного компонента» подготовки магистров, чтобы достигались громко декларируемые цели вуза: выпускники должны обладать современными компетенциями, а университет должен действовать и расти как эффективный центр развития региона, его культуры [5] – [8]. Но реальности куда прозаичнее, не говоря уже о призрачности перспектив нашего университета.

КБГУ уже почти век при всех переменах и потрясениях оставался и пока еще остается главным институтом культуры Кабардино-Балкарии и ключевым механизмом ее развития. Но, увы, минули времена, когда это осознавалось в нашем сообществе в полной мере и ассоциировалось с университетским преподавателем, университетским ученым.

Ныне, в условиях «вука-мира», сетевой культуры, клипового сознания, дистанционного обучения и почти массового высшего образования университет в восприятии новых поколений порой – всего лишь «универ» с «преподами», «парами», «реферами», «тусней». Нечто подобное происходит и в отношении культуры, форпостом коей искони является университет.

Но и в этих условиях КБГУ несет свое непростое служение во имя культуры и наперекор всем напастям и преградам; несет на открытом, «продуваемом» пространстве цивилизационных конфликтов и сложнейших культурных коллизий; несет в жестких условиях «сетевых схваток» культур и бесчисленного множества «искусительных» культурных идей и течений под флером прогресса и свободы. И служение это во имя культуры, ее перспектив. Об этом как нельзя лучше свидетельствует монография «Гендер и этногендер», созданная доктором филологических наук Зухрой Кучуковой и кандидатом филологических наук Ляной Хараевой.

К возможным перспективам этногендерологии

Литературоведение, как известно, являет собой одну из форм социально-критической деятельности, которая не бывает и не может быть свободна от мировоззренческих позиций. В пору «социалистического реализма» все было просто художественная литература «моделирует и конструирует человека, культуру», а литературоведческая аналитика присматривает за «точностью и качеством» этих моделей. Ныне все куда сложнее писатели видят себя «вне и выше» любых идеологов. Как быть литературоведению в этой ситуации?

Но и здесь нашелся выход авторы монографии ставят читателя в ситуацию «вычитывать и домысливать» ... невысказанное. Для себя я вычитал мысль-вопросание «не

становится ли гендерная культура последним прибежищем этнического бытия в современном мире?». Ведь анализ авторов не ради лишь литературоведения за ним намерение строить новое направление науки, этническую гендерологию, которая и призвана дать ответ на означенный вопрос. Но проблема в том, что совсем не очевидно, «что есть высокая гендерная культура» в эпоху «вука-мира». Да и ответ на этот вопрос предстоит искать во взаимодействии со всеми социально-гуманитарными науками, начиная с философии. К тому же, на пути развития гендерологии в этническом регионе немало препонов и барьеров ее ассоциируют с радикальным феминизмом, с движением и этикой ЛГБТ; против нее действует стыдливость, так ценимая в наших культурах. Да, у гендерологии есть разделы и темы «не для всех», скажем проблема андрогинности, темные и экстремальные стороны интима, вроде однополых браков или «флюидного гендера». Однако, здесь куда больше академичной, актуальной и очень перспективной проблематики, особенно в пространстве этнических культур.

Дело в том, что гендер соотносится не только с мужчиной и женщиной (их бытием), но и неодушевленными сущностями, а также феноменами идеального характера с политикой, философией, культурой, литературой, музыкой, живописью, моралью, этикой, эстетикой, языком. «Гендерная лингвистика» давно на марше успешного развития. Известны, а точнее уже заявлены этнические культуры, маркируемые в гендерологии как «женские» или как «мужские». В этом контексте, к какой же гендерной категории относится адыгская культура к мужской или женской? Каков гендерный маркер нашего богатого фольклора, как вербального (начиная с нартского эпоса) так и музыкального? Ведь кабардинский язык(его строй) вообще не различает родов? И еще. В культуре наших народов особую роль играют межпоколенческие отношения, их формы и нормы. А как они выглядят в зеркале гендерологии? И наконец. Развитие любого социума и его культуры движимо прежде всего конкурентными и солидарными отношениями людей в этом социуме. Имеет ли внутри-социумная конкуренция в адыгском, балкарском, других этносоциумах гендерные измерения (кто больше склонен к конкуренции между собой – мужчины или женщины?) или здесь пол не имеет значения? На подобные вопросы (их несчетное множество) призвана отвечать этническая гендерология. Остается, разве что пожелать успехов, тем кто прокладывает путь новому многообещающему направлению науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хараева Л.Ф., Кучукова З.А.* «Гендер и этногендер». Нальчик: «Принт Центр», 2018. 192 с.
2. *Тхагапсоев Х.Г., Шадже А.Ю., Ильинова Н.А., Куква Е.С., Тауканова З.* Детерминация гендера этническим фактором: кавказский дискурс. М.: «Спутник+», 2019, 134 с.
3. *Воронина О.А., Айвазова С.Г., Баскакова М.Е.* Теория и методология гендерных исследований. М.: МЦГИ, 2001, 416 с.
4. *Силасте Г.Г.* Гендерная социология и российская реальность. М.: Альфа-М, 2016. 640 с.
5. *Тхагапсоев Х.Г.* Компетентностное образование: к проблеме воплощения // Высшее образование в России. 2013. № 6. С. 71-76.
6. *Сапунов М.Б., Тхагапсоев Х.Г.* Культура критического дискурса в высшем образовании и науке // Высшее образование в России. 2018. Т. 27, № 7. С. 20-27.

7. Кажаров А.Г., Тхагапсоев Х.Г., Яхутлов М.М. Магистратура в современном российском вузе: региональное измерение // Высшее образование в России. 2017. № 3. С. 101-108.
8. Тхагапсоев Х.Г., Сапунов М.Б. Российская образовательная реальность и ее превращенные формы // Высшее образование в России. 2016. № 6. С. 87-97.

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the monograph by L.F. Kharaeva, Z.A. Kuchukova «Gender and Ethnogender». It is argued that it (the monograph) represents a new stage in the development of ethnological science in the region. The perspectives of the recursive method of humanitarian knowledge, built by the authors of the monograph, are emphasized. The issues of formation and development of ethnic genderology are touched upon.

Keywords: gender, ethnogender, gender relations, femininity, masculinity, culture, ethnicity, ethnic culture, fiction, civilizational transformation.

© Kh.G. Tkhaapsoev, 2021

АННОТАЦИЯ

Анализируется монография Хараевой Л.Ф., Кучуковой З.А. «Гендер и этногендер». Утверждается, что она (монография) являет собой новую ступень в развитии этнологической науки в регионе. Подчеркивается перспективность рекурсивного метода гуманитарного исследования, выстроенного авторами монографии. Затрагиваются вопросы становления и развития этнической гендерологии.

Ключевые слова: пол, гендер, этногендер, отношения полов, феминность, маскулинность, культура, этничность, этническая культура, художественная литература, цивилизационная трансформация.

© Х.Г. Тхагапсоев, 2021